

Конечно, свобода труда отнюдь не есть «священная свобода частной собственности» во вкусе либеральных концепций XIX века. От этих концепций прочно отказались и западные народы, всерьез перешедшие от государства либерального к «государству культурному», с широким социальным законодательством. Не о воскресении принципов частной собственности и чистого капитализма в их старомодных формах говорим мы — нет, свобода труда в нашем понимании есть не столько «естественное субъективное право», сколько объективно целесообразная «общественная функция».

Чтобы Милюков и эсеры не оказались по-своему правы, т. е. чтобы страна не погрузилась в новый океан неурядиц, руководители советской политики должны чутко учитывать потребности мелкобуржуазной массы народов Советского Союза и, согласно диалектическим урокам учителя, идти навстречу этим потребностям. **В настоящий период времени такая тактика внутри страны вполне совместима с осуществлением международно-политических, «всемирно-исторических» заданий СССР.**

Если сменовеховцы и впрямь правильно отражают взгляды интеллигентско-спецовских кругов с одной стороны, и настроения инициативных «хозяйственников» города и особенно деревни — с другой, — то ведь из этого явствует, что все «мелкобуржуазные» элементы населения ныне придерживаются именно советской ориентации, а не какой-либо другой. Но, придерживаясь советской ориентации, они, несомненно, ждут от советского правительства не политики зажимов и Нарымов¹⁰, не сплошных «департаментов препон», а резонного удовлетворения законных своих притязаний на жизнь и работу.

Ждут и — судя по многим признакам — дождутся.

Обогащайтесь!*

Ныне отпускаеши.
*Свящ[енное] Писание*²

Наконец-то!

Настоящее слово сказано, лозунг дан³. Это куда лучше еще, чем «лицом к деревне». Конкретнее, прямее, понятнее. Почти по-ленински. — Крестьяне, обогащайтесь! Не бойтесь, что вас прижмут.

---

* См. отзывы на эту статью: Зиновьев Г. Е. «Ленинизм», Ленинград, 1925. С. 215–218, Бухарин, «Цезаризм». С. 35–36¹.

Свежо предание, а верится с трудом: этот лозунг брошен ортодоксальнейшим и монолитнейшим Бухариным, нашим «русским Сен-Жюстом»⁴, суровым столпом правоверия, утверждением закона и пророков.

Исторический лозунг буржуазной Франции, наливавшейся жизненными соками, веселыми, как шампанское, приходившей в себя после революционных потрясений.

Лозунг роста и здорового индивидуализма, трезвый, как работающая деревня, неотразимый, как жизнь, повелительный, как история.

Да, опять и опять: зелено золотое дерево жизни, а теория сера, тосклива, запылена...⁵

Впрочем, слава гуттаперчевой теории, умеющей не заедать жизнь, крепко наученной «сохранять лицо» при всех превратностях и сюрпризах судьбы...

Так должно было быть и иначе быть не могло. Все нити тянулись сюда. Это было ясно и в сумрачные дни XII съезда, и в недобрые дни XIII.

Оба съезда пытались исказить, по-сенатски «разъяснить» логику ленинского нэпа. Революция топталась на месте. Враги начинали злорадствовать, скептики ухмылялись, мужицкий лоб уже хмурился, страна погружалась в трудную думу:

— Что же, неужто опять рецидив?..

Ничего не поделаешь, история не есть беззаботная *парти де плезир*⁶ по заранее выработанному маршруту, и меньше всего революция — рациональный процесс. Вспышки рецидива неизбежны, хотя с каждым разом они бывают менее зловредны и более кратковременны.

Пришел конец и нашему «фрюктидору»⁷. Как и в дни Кронштадта, на авансцене неуклюже появился лесной наш медведь и внушительным, хотя и пассивным, жестом повернул дело по своему, поставил на своем. Видно, опять исполнились какие-то времена и сроки.

И гуттаперчевые формулы вновь услужливо запрыгали по всем газетным листам, чтобы свести словесные концы с концами, пригладить шершавые вихры жизни, сохранить нужные рессоры и тормоза.

Да, несомненно: есть смысл подчас даже и в бессмысленных словесных лепетаниях. Рационально бессмысленные, они иррационально целесообразны, служа высшим целям торжествующей жизни.

Если книги имеют свою судьбу, то и слова — тоже. Когда-нибудь трудолюбивый историк поведаст нашим потомкам миграцию слова «кулак» в процессе русской великой революции: она стоит того, живописная, красноречивая, саркастическая...

Сначала «кулак» был столь же абсолютно бранным и столь же безмерно широким понятием, как «буржуй». Если буржуи все, кто носит котелок, то кулак — всякий «мелкий хозяйчик»: берегитесь, — в нем сидит Корнилов!

Потом от кулака отроился «середняк». Кулак похудел, но продолжал оставаться все же очень нехорошим человеком.

Потом — с нынешней осени — принялись подробно «определять» термин «кулак». Плохо быть кулаком, но далеко, мол, не всякий зажиточный крестьянин заслуживает этого постыдного наименования. Определяли долго, тщательно, упорно, со всех сторон. А ведь известно из учебников логики, что «всякое определение есть ограничение». Пределы термина становились все теснее, скромнее, безобиднее.

Теперь, однако, надоела и эта игра в прятки. «Места» слабо усваивали хитрую словесную механику, полезную разве лишь для большой политики, и продолжали чересчур прямолинейно насиловать основные принципы здоровой экономики. И центр, наконец, бросив дипломатические бирюльки, решил действовать напрямик:

— Да здравствует подлинный нэп в деревне!..

«Если в [19]19 году Лениным был поставлен вопрос о середняке, то в настоящих условиях нам приходится ставить вопрос не только о середняке, но и о кулаке... Мы предоставляем большую, чем прежде, свободу капиталистических отношений в деревне» (Молотов⁸).

«При теперешнем развитии, при теперешней нашей политике на допущение рыночных отношений, мы будем в известной мере допускать развитие даже кулака». (Он же).

«Наша политика по отношению к деревне должна развиваться в таком направлении, чтобы раздвигались, а отчасти и уничтожались многие ограничения, тормозящие рост зажиточного и кулацкого хозяйства» (Бухарин).

Мелкий хозяйчик, на почве четко усвоенного принципа «свобода труду», из врага превратился в первейшего друга: *«Товаро-производитель, мелкий хозяйчик, который составляет основную крестьянскую массу, должен чувствовать большую уверенность в обладании теми средствами производства, которыми он пользуется» (Молотов).*

Еще немного, и мы, пожалуй, увидим, как на могучих хозяйственных грудях заблещут в деревне ордена «Красного Знамени»:

— Героям труда!

Всякому овощу свое время. «Беднота» культивируется ныне разве лишь в качестве газетного заголовка; в природе же бедняк уже от-

нюдь не внушает излишнего восхищения: «Скатываться к бедняцким иллюзиям теперь уже нельзя» (Молотов). Таковы директивы партконференции.

...Словом, в гуще быта скоро того и гляди услышишь бодрые полнокровные голоса из деревни:

— Да, я кулак, я советский кулак, и горжусь этим!..

Что, если на том свете дух П. А. Столыпина⁹ случайно встретится в эти дни с духом Свердлова¹⁰, или, скажем, Володарского, или Либкнехта?..¹¹

Любопытно бы подслушать соответствующий потусторонний диалог...

Но дух Ленина может покоиться с миром: он и впрямь прочно живет и в своей партии, и во всей революции. А, значит, можно быть спокойным также и за ту, и за другую.

И, что еще несравненно важнее, — за Россию. Тому ручательство лозунг жизни, лозунг выздоровления, гениальный крик нутра:

— Хозяева, обогащайтесь!..

Национализация Октября. (К восьмой годовщине)

«Возвращается ветер на круги своя»¹. Россия, по авторитетным свидетельствам, переживает *«последний год восстановительного периода»*, *«рекордный год в деле восстановления нашего хозяйства»* (Каменев²). На глазах догорает лихолетье. На глазах «саперы разрушения» преобразуются в «армию строителей».

Над строительством — девиз:

Мы наш, мы новый мир построим!³

Отличный девиз. Он вливает бодрость в души, будит веру; а зачем и существуют на свете девизы, как не затем, чтобы вливать бодрость в души, будить веру? Верования проходят, вера остается.

«Что сделало революцию? — Честолюбие. Что положило ей конец? — Тоже честолюбие. Но каким прекрасным предлогом была для нас свобода!..»⁴

Так на закате дней, в одиночестве «маленького острова»⁵, вспоминал о своей страшной матери, о великой революции, ее не менее великий и страшный сын.